

Предисловие редактора-составителя

Редакторская заметка / Note

От «теории» — к «теориям» насилия

АЛЕКСЕЙ И. ЗЫГМОНТ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0002-5822-9014>

Рекомендация для цитирования:
Зыгмонт А. И. (2025) От «теории» —
к «теориям» насилия. *Социология
власти*, 37 (3): 8-12
EDN: BEXDFG

For citation:
Zygmunt A. I. (2025) From "Theory"
to "Theories" of Violence. *Sociology of
Power*, 37 (3): 8-12

Поступила в редакцию: 29.09.2025;
принята в печать: 01.10.2025
Received: 29.09.2025; Accepted:
01.10.2025

© Author, 2025
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

Предметом социальной теории «наси-
лие» в собственном смысле стало начиная
по меньшей мере с XVII–XVIII веков, когда
о нем рассуждали Т. Гоббс и Ж.-Ж. Руссо.
Однако расцвет теоретического осмысле-
ния насилия пришелся уже на XX век, точ-
нее — на период после Второй мировой.
Казалось бы, геноциды и войны должны
были направить социологов, философов
и других исследователей по пути физиче-
ской трактовки этого феномена — вот они,
горы трупов и моря крови, репрессивный
аппарат государства и прочее, — но пара-
доксальным образом произошло обратное:
говорить о насилии стало труднее. В каче-
стве «насилия» было узнано и многое дру-
гое, а само понятие расщепилось, стало
множественным. Если исследователи
в чем-то насчет «насилия» сегодня между
собой и согласны — так это в том, что они
не согласны и, вероятно, согласия никогда
не достигнут. Помимо того, что в качестве
«насилия» были узнаны и многие вещи,
которые раньше таковыми не считались
(от педагогики и взгляда до «газлайтинга»),
ситуация осложняется тем, что «насилие»
в теоретическом осмыслении часто при-
ходится сводить к другим, еще более труд-

ным и запутанным понятиям: силе, принуждению, власти, господству, агрессии, деструктивности и так далее.

Можно согласиться с тем, что безотносительно времени своего появления теории насилия делятся на «классические» и «новые» (Родионова, Смирнов 2022). В концепциях первого рода, которых до сих пор обычно придерживаются социологи, а также социальные и политические теоретики, насилие — это физический акт, воздействие на тело. Оно принципиально видимо, у него есть различимые субъект и объект. «Новые» же определения насилия, как водится, — не такие уж новые и восходят по крайней мере к левой теории 1970-х годов с ее фундаментальным подозрением, что насилия гораздо больше, чем кажется на первый взгляд, и что оно лежит в самом основании «социального порядка». Субъект насилия выступает лишь как его агент — пешка в «руках» структуры, которая сама зачастую «не ведает, что творит». Более того: меркнет не только субъект, но и объект насилия. П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрон, например, в 1970 году заявляли: «Всякое педагогическое воздействие (ПВ) объективно является символическим насилием, поскольку с помощью произвольной власти навязывает культурный произвол» (Bourdieu, Passeron 1970, p. 19), — но ведь школьник не знает, что родители и учителя творят над ним такое насилие, и может считать его чем-то естественным и даже хорошим. Наконец, если раньше насилие считалось функциональным — средством на службе у цели, — то с утратой субъекта-объекта и обновленным акцентом на моральных вопросах оно становится до абсурда дисфункциональным — туманом, который клубится сам в себе. Среди примеров такого рода теорий — концепции «структурного» и «культурного» (Й. Галтунг), «символического» (П. Бурдьё), «системного» (С. Жижек), «тихого» (Н. Гарвер) или психологического насилия — эти понятия уже прочно вошли в наш язык.

9

Поэтому данный номер «Социологии власти» посвящен не какой-то единой «теории насилия»; когда ее критиковал в своем «Анти-Дюринге» Энгельс, она, может, и существовала, но сейчас невозможна. Вместо этого мы обратились к теоретическому осмыслению разных трактовок насилия — или, лучше сказать, даже разных «насилий». Закономерным образом такая работа не могла ограничиться рамками одной дисциплины, а охватывает социологию, «передовую» социальную теорию, философию и историю. В основной раздел вошло семь текстов, чьи авторы либо анализируют существующие теории насилия, либо предлагают авторские концептуальные разработки.

Открывающая номер статья Марии Родионовой посвящена так называемым обыденным представлениям о насилии — тем самым, к которым в качестве «последнего средства» иногда обращаются социологи, отчаявшись разобраться в дебрях теории. Эти обыденные

представления, как показывается в тексте, следуют скорее в русле «классических» описаний насилия как физического акта, который происходит на межличностном уровне и в значительной мере определен наличием оправдывающих факторов, а также моральными оценками. Впрочем, эти «обыденные» представления на поверку оказываются ничуть не менее сложными и многогранными — а потому и не более надежными, чем «научные».

В противоположном направлении идет Антон Сизов, который рассматривает феномен наблюдения в современном цифровизированном обществе сквозь призму теорий «структурного» и «тихого» насилия. По мнению автора, со времен изобретения Паноптикона у И. Бентама — и его анализа у Фуко — заключенное в «надзоре» структурное насилие прошло долгий путь и теперь воспроизводится уже не всемогущим государством и не людьми с их частными конфликтами, а безлично-капиталистическими интерфейсами и алгоритмами, которые создают «асимметрию аффордансов» и все больше лишают людей автономии.

10

Статья Оксаны Тимофеевой переосмысляет связь насилия и сексуальности на материале одного из известнейших «кейсов» Фрейда — случая маленького Ганса. Как известно, маленький Ганс боялся лошадей, видел, как их избивают, ассоциировал себя с «жеребенком» — а потом захотел избивать лошадей сам. В пик Фрейду эта связка переосмысляется так, что сексуальность оказывается лишней. На первый план выходит насилие над животными — и над живыми существами вообще: в основе социализации лежит принятие насилия, транзит от естественной эмпатии к социально одобряемой агрессии: так «проведенный» через патриархальную машину маскулинности инициант совершает переход от «бытия лошадью» к сомнительной потребности «бить лошадь».

Григорий Часовских обращается к исследованиям эволюции морали и подвергает критическому пересмотру широко известную в этой сфере теорию функционального комплиментаризма насилия и социального контроля, в рамках которой насилие трактуется как эволюционно обусловленный инструмент поддержания внутригрупповой кооперации и межгрупповой конкуренции. Ставя под сомнение однозначность и неизбежность этой функциональной связки, автор обращается к данным культурной антропологии, эволюционной теории игр и приматологии и утверждает, что насилие — это не «судьба» человеческого вида: его практики в достаточной мере опосредованы культурными механизмами, чтобы открыть нам дорогу к преодолению насилия — или хотя бы сдерживанию.

Следующие две статьи так или иначе имеют дело с понятием «травмы», чья сложность усиливается тем, что изначально после Первой мировой войны оно описывало боевую психическую травму

(то, что мы сейчас называем «ПТСР»), а затем проложило себе путь из военной медицины и психиатрии в социологию. Так, Дмитрий Бочков исследует концептуализацию травмы на этом первом этапе, когда она понятным образом трактовалась как следствие насилия на поле боя, а затем обращается к послевоенной американской социологии катастрофы. Автор приходит к выводу, что катастрофа не является «коллективной травмой» изначально и объективно, поскольку может вызывать как разрыв, так и усиление социальных связей, — но «производится» как таковая пострадавшими благодаря тому, что осмысливается через призму насилия.

Совсем иную позицию в отношении связи «травма-насилие» занимает Иннокентий Мартынов. Опираясь на семиологию Луи Ельмслева (глоссематику), он показывает, что оба этих понятия — рекурсивные семиотические системы, которые в силу постоянных взаимных отсылок и слабых внутренних связей пронизаны своего рода понятийной «энтропией» и для анализа не годятся. Поэтому для понимания сущности «травмы» исследователь предлагает рассматривать ее вне связи с «насилием» — как ослабление функций «Я». В статье демонстрируется, как при помощи глоссематики можно «усиливать» концепты, в конечном счете превращая их в более ясные и практичные.

11

Уникальную перспективу предлагает Роман Гуляев в закрывающей номер статье о морских сражениях в «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида. Рассмотрение крайне частных аспектов устройства кораблей и боевой тактики греков позволяет автору поднимать более глубокие вопросы о соотношении политики, стратегии и техники, контроле над насилием (или его отсутствии) и конструировании различий между «цивилизованными людьми» и «варварами». В заключении автор делает зловещий вывод, что именно у Фукидида человек впервые предстает как «существо, выражающее собственную человечность через насилие» — и неясно, человек ли управляет насилием или наоборот.

В блоке рецензий представлены три текста. Наиболее тематический из них — обзор Полины Врублевской на фундаментальную работу Рэндалла Коллинза «Насилие. Микросоциологическая теория», переведенную в этом году издательством «НЛО». Публикация этой книги на русском — важнейшее событие, однако работа Коллинза местами вызывает больше вопросов, чем дает ответов, — что и обозначает автор рецензии. Далее следует критический отзыв Никиты Кутявина на недавнюю книгу американского философа Дэвида Ливингстона Смита «О бесчеловечности. Дегуманизация и как ей противостоять». Автор рецензии задается вопросом, можно ли называть врагов дегуманизации «силами добра», не выставляя оппонентов «силами зла» — не «дегуманизируя дегуманизаторов». Наконец, за-

вершает раздел наименее тематический, но оттого не менее ценный отзыв Кирилла Благодарова на книгу Вячеслава Ячменника «“Духовные вожди”: Понятие харизмы и фигуры религиозного лидерства в России начала XX века», также изданную в «НЛО» в серии *Studia Religiosa*.

С учетом того, что исследования по теории насилия в России велись до сих пор разрозненно, а переведенных работ на эту тему крайне мало, надеемся, что данный номер позволит если не «продвинуть» эту область исследований, то продемонстрировать сложность концептуализации насилия и показать, в сколь разных направлениях могут двигаться исследования на эту тему.

Список источников / References

Родионова М. М. & Смирнов Н. М. (2022) Корабль Тесея: трансформации понятия насилия в политической и социальной теории. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 3, с. 6–27. EDN: LOWNBU. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27>

— Rodionova M. M. & Smirnov N. M. (2022) The Ship of Theseus: Transformations of the Concept of Violence in Political and Social Theory. *Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast*, 3, 6–27. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-106-3-6-27> (in Russ.)

Bourdieu P., Passeron J.-C. (1970) *La reproduction. Éléments pour une théorie du système d'enseignement*. Les Éditions de Minuit.

Об авторе / About the author

Зыгмонт Алексей Игоревич — кандидат философских наук, заместитель главного редактора журнала «Социология власти», РАНХиГС. Научные интересы: религия и насилие, мученичество, теория сакрального, французская мысль XX века, религия в России.

<https://orcid.org/0000-0002-5822-9014>. E-mail: alekseizygmont@gmail.com

Aleksei I. Zygmont — Cand Sci. (Philosophy), Deputy Editor-in-Chief of the journal «Sociology of Power», The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Research interests: Religion and violence, martyrdom, theory of the sacred, 20th century French thought, religion in Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-5822-9014>. E-mail: alekseizygmont@gmail.com